

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕИСКІЯ
СКАЗКИ.

ЧАСТЬ V.

МОСКВА.

Въ Типографіи Пономарева,

1789

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЬ 98.

Горькая участь.

Крестьянинъ , пахарь , земледѣлецъ ,
 всѣ сїи шри названїя по преданїю
 древнихъ писателей , вѣ чемъ и новѣй-
 шїе согласны , означаюцїи главнаго опе-
 чеснву пишателя во время мирное , а
 вѣ военное крѣпкаго защитника , и уш-
 верждаюцїи , что государснво безъ зем-
 ледѣльца обойшнся , шакъ какъ че-
 ловкѣ безъ головы живш не можетъ:
 но ложъ ли , правда ли , разсуждаешъ намъ
 о томъ не досугъ ; да сверхъ шого къ
 сказкамъ шакїя глубокїя задачи и не

принадлежишь. Мы скажемъ , что вѣ-
 язь повѣсши сей крестьянинъ Сусой
 Юфановъ сынъ Дурносоловъ , родился
 в деревнѣ отдаленной отъ города ,
 оснишанъ хлѣбомъ и водою , бывъ
 овнишь прежде пеленами , кошорые
 тонкоспѣю и мягкоспѣю своею не мно-
 о успупали циновкѣ , лежалъ на лок-
 тѣ вмѣсто колыбели въ избѣ , лѣ-
 томъ жаркой , а зимой дымной , до
 есяшилѣтняго возраста своего ходилъ
 осикомъ и безъ кафшана , прешерпѣ-
 валъ равномерно лѣномъ несносный
 садъ , а зимою несшерпимую спужу ;
 лѣпни , комары , пчелы и осы вмѣ-
 сто городского жиру во времена жар-
 я наполняли шѣло его опухолью.
 До двашцати лѣтъ лѣшь , въ лучшемъ
 же убранствѣ прошивъ прежняго ,
 по ешь , въ лапняхъ и въ сѣромъ
 кафшанѣ вороталъ онъ на поляхъ зе-
 лю глыбами и въ потѣ лица своего
 шопиреблялъ первобышнююжъ свою
 шцу , шо ешь , хлѣбъ и воду со-
 довольсшвѣемъ. Имѣлъ намѣреніе же-
 ниться , для чего и свѣшался на
 многихъ сосѣдешвенныхъ дѣвкахъ ; но
 ни одной за его не отдавали , по при-

чнинъ той , что былъ онъ крайне. не
заводеиъ , мало предприимчивъ , а про-
сше сказаишь , простофиля.

Зависть и ненависть , пѣжѣ са-
мая и между крестьянами, какія бы-
ваюиъ между гражданами ; но какъ
крестьяне чишоосердечнѣе городскихъ
жишелей , шо сѣи пороки скорѣе въ
нихъ примѣшны бываюиъ , нежели въ
шнскихъ полишикахъ , обшззующихъ при
дворѣ и въ гоодѣ. Такіе сельскіе жи-
шели называюися сѣдугами ; имѣя
жребій прочихъ крестьянъ въ своихъ
рукахъ , богашюиъ на щепъ ихъ , да-
вая имъ въ займы деньги , а пошому
затрагаюиъ ихъ въ свои работы ,
шаъ какъ воловъ въ плуги ; и гдѣ
шаковыхъ двѣ или одинъ , шо вся
деревня сосшзвлена изъ бѣдняковъ , а
онъ шолько одинъ между ими бог-
шый : для шого , что сѣвъ , жѣшва и
сѣнокосѣ должниками его убираюися
прежде , а шѣ всегда сѣвомъ своимъ
опоздаиъ должны. И когда опоздали
сѣяиъ , шо убирать уже будешъ не-
чево , а за шѣмъ и остаюися въ вѣч-
номъ долгу у сѣдуги , кошорый изъ

того не убытокъ, но приращеніе имѣнствъ, ибо вся деревня къ нему на работу, какъ на бирчину, приходилъ.

Сѣи сѣдуги съ недоспѣшкомъ многова по сельскому бышу у Сысой Дурносолова, удумали ондачь его за вошчину въ солданы, привезли въ городъ, гдѣ Сысой въ первый еще разъ увидѣлъ прамыя улицы, регулярное строеніе и полничиныхъ людей разнаго покроя и разныхъ цвѣтовъ во одѣянїи. Но онъ разсматривалъ ихъ не долго, для того, что въ скоромъ времени предсавили его къ рекрутскому прѣему. Примѣря сказали, малъ росшомъ; а лѣкаръ закричалъ, шонки ноги, и шакъ изъ прѣемной выслали, не выбривъ однако зашылка, для особаго предувѣдомленія ондашчиковъ, кошорые по удобно понимашь могли: ибо не въ первый уже разъ таковое приключеніе съ нимъ учинилось. По ушру поранѣе вечерашаго предсавленъ былъ ояшь Сысой Дурносоловъ въ прѣемную комнату; на темя его положено было нѣсколько угомонной мощи; а сколько

Част. V.

М

пмяина, досповѣрно не знаю ; кѣ объ-
имѣ же ногамѣ привязано было по
ассигнаціи , чѣмѣ Сысой пришелѣ въ
указную мѣру и за одну ночь икры
пошолснѣли ; vybrли лобѣ и дур-
носоповѣ признанѣ за исправнаго ре-
крута , и сіе дѣйснѣе происходило
въ бывшихъ провинціальныхъ Канц ля-
рїяхѣ. Прїемщикѣ не соглашался при-
нимать при рекрутѣ ничего напурою,
а за платѣ и провіантѣ требовалѣ
деньгами ; прошивѣ чего спорнѣ бы-
ло не возможно , и такѣ учинилѣ во
всемѣ ращенѣ и дѣло кончано.

Армія наша шходилаась иногда за
границею , куда Сысой съ прочими
препровожденѣ былѣ мѣрскимѣ подя-
нїемѣ , не получая ни одежды ни про-
віанта опѣ командующаго Офицера ,
котораго они и въ глаза не видали во
всю дорогу , а догналь онѣ ихѣ не
доѣзжая до арміи верснѣ со снѣо, или
еще шого меньше ; изѣ пани сонѣ
человѣкѣ дошло до арміи не съ боль-
шимѣ панидесянѣ , а прочѣ разбѣжа-
лись и померли. Командующій Офи-
церѣ подзлѣ рапортѣ , чпо за мало-

имѣніемъ команды рекруты въ разные времена бѣжали ; его ошдали подъ судъ , а рекрутъ причислили къ командѣ , лишенныхъ всего имѣ причадежащаго : ибо у командовавшаго ими Офицера при арестованіи его ничего не ошѣискано , а слухъ носился , что онѣ припряталъ все подлѣ , на случай снроіой резолюціи въ судѣ.

Сысой обучившись аргиккулу , былъ на нрехѣ присшупахѣ нзряднымъ солдатомъ , съ похвалою онѣ командующихъ ; но на послѣднемъ нзѣ шѣхѣ сраженій пошерялъ правую руку , такъ что дѣйснвоватъ оною ни сколько не моѣ ; для чего въ скоромъ времени получилъ чисшую ошешавку , и уволенѣ на прежнее жилище , куда онѣ скоро и ошправился , положа свое движимое имѣніе въ кошомку и повѣся оную за плеча. Думающѣ многіе и ушверждающѣ справедливо , что сѣя кошомка въ пупи его не обременила ; пенеже находилась въ ней рубашка , галсшукѣ и десять копѣекѣ денегѣ мѣдною монешою , нзѣ которыхѣ трашилѣ онѣ на споловые припасы.

Путешествіе его изъ арміи изъ мѣсто рожденія не споль было слав-но и доспопамятно, какъ путешест-віе Бовы Королевича изъ царства Дадона Додоновича во владѣніе Кир-биша Верзауловича, родишеля Мило-красы Кирбишовны, или славнаго рыцаря Пешра зланныхъ ключей во владѣніе прекрасной Королевы Маги-лены Неополитанской. слѣдовательно такова прилѣжнаго описанія и не пре-буешь, а довольно сказашь и того, что онъ достигъ до онаго подаяніемъ доброхотныхъ дашелей.

При разсвѣтаніи зимняго дня, въ день Рождества Христова во время заутренняго пѣнія, пришелъ онъ къ своему приходу и на ряду съ прочими вошелъ въ церкву помолитися, гдѣ уповѣлъ увидѣшь отца своего и мать; но какъ оныхъ не было тогда въ церквѣ, то на вопросъ его ошвѣп-спивали ему родшвенники его, что они въ вечеру обѣихъ ихъ видѣли, а для чего ихъ въ такой великой праз-дникѣ нѣтъ у заупрени, того они не вѣдающъ.

По окончаніи пѣнія, Сысой и многіе изъ его родспивенниковъ пошли въ домъ его ошца, и спучавшись подъ окнами и въ ворота, не могли никого вызвать кшо бы имъ ошперъ, пошли къ сшаросшѣ; пригласивъ его и другихъ креспьянъ попочщеніе, разломали ворота и вошедъ на дворъ съ зажженою лучиною, увидѣли слѣдующее по порядку. Передъ крыльцомъ висѣлъ бранъ, до половины освѣжеванной, подлѣ кошораго на перилахъ у спуску крылечнаго лежалъ окровавленный ножъ; по серединѣ двора висѣлъ въ пешлѣ прицепленной къ перекладу удувленной хозяйнѣ; изба была ошворена, въ кошорой по полу разбросаны были дрова не много обгорѣлые; по серединѣ полу лежала хозяйка, голова у кошорой прорублена была шолоромъ, кошорый и лежалъ подлѣ ея окровавленный; за занавѣскою въ повѣнненной колыбели лежала зарѣзанная по горлу дѣвочка мѣсяцовъ шрехъ спеланная, а подлѣ ея окровавленный ножъ; въ печи нашли мальчика лѣшъ чешырехъ мершваго, у коего волосы на головѣ всѣ соплѣли и мѣсшами

отъ жару испрескалось тѣло; въ переднемъ углу на лавкѣ лежала хорошая одежда хозяинова, а на сшолѣ праздничная хозайкина, принесенныя изъ кльпи, какъ то обыкновенно у крещьянъ бываетъ.

Разсмотрѣвъ все сіе, отсцавной солдатъ заплакалъ, чему послѣдовали и нѣкоторыя изъ его родственницъ; да инако и бышь невозможно, увидѣвъ передъ собою отца, мать, брата и сестру вдругъ мертвыми; всякой сельской жищель придещъ въ сожалѣніе и начнешъ вопѣшь по деревенскому обряду и названію. Сшолъ, произшедшій отъ вопѣющихъ въ избѣ исмедленно собралъ всю деревню. Старые и молодые сожалѣли, а ребѣща малые ужасались, словомъ всѣ были знышы шаковымъ удивительнымъ приключеніемъ.

Случай не шокмо деревенскимъ, но многимъ и городскимъ жашелямъ непонятный, начали крещьяне и крещьянки шолковзшь различнымъ образомъ сельскимъ умомъ и деревенскимъ разсужденіями безъ правилъ, свободными науками установленныхъ: одинъ говорилъ, что сдѣлали шо раз-

бойники, но платья унесши не успѣли; другой основательнѣе разсуждалъ, что разсердился домовою и шакъ поспунилъ съ ними, какъ должно неприязненной силѣ и прочая; сшарухи вѣрили больше послѣднему, шворили молитву и спрашивали у стариковъ, не грѣхъ ли къ убишымъ прикасаться? А поразумнѣе головы призвавъ дячъва и сошскаго, написали рапортъ со всѣми найденными обешояшельствами и послали въ городъ.

Въ разсужденіи споль великаго праздника, всѣ судьи и секретари изъ города были отсушсшвенны и находились по деревнямъ околны въ дворахъ; а дневальные показывали служившимъ оный принятыя шого рапорта ошозвались. Такимъ образомъ чрезъ шесть недѣль приняты былъ сей рапортъ въ учрежденномъ на шо судѣ, и дана резолюція ѣхать одному изъ членовъ и осмотрѣшь на мѣстѣ; но какъ шѣла убишымъ были уже похоронены, шо посланной для осмощру членъ рѣпортовалъ шакимъ образомъ: По осмощру его и по обычаю оказался, что крестильникъ налив-

шишь въ праздникъ пьянъ порубилъ свою семью и самъ упавъ съ крыльца ушибся ; а подавая сей рапортъ примолвилъ : кресныя не де государственныя , но в д лъ слѣдствія бышь не можешъ. Почему данною резолюцією и велѣно съ прописаніемъ шого рапортна опрапортоватиъ верхнему присудственному мѣсту , а дѣло изключя изъ реесира перѣшенихъ дѣлъ, числишь рѣшеннымъ къ ошдачъ въ Архивъ.

Такимъ манеромъ удивительное сіе въ природѣ приключеніе въ присудственномъ мѣстѣ вовсе кончано на общемъ основанн о дѣлахъ зашруднишелныхъ , шрѣбующихъ судейскаго ума и проиципія ; но непросвѣщеніе и недуги судейскіе безъ изслѣдованія погрѣблюшъ во шмѣ невѣденія и важнѣйшія сего.

Но когда дошелъ о шомъ слухъ до людей ученыхъ шого времени , шо они укажишъ шакъовой непровицаемый случай , рѣшились его изслѣдовать , сколько возмжношъ имъ дозволишь могоз , и по доволікомъ изысканн издательшо заключили шакъ. Чешырех-

лѣтній младенецъ находяся въ крѣпкомъ снѣ и вспрехоженъ будучи соннымъ привидѣніемъ, всшалъ со своего мѣста, взялъ ножъ, съ кошорымъ не рѣдко у боловицъ машерей и ошцовъ ребяша играя ими засыпающъ, и согласо съ соннымъ привидѣніемъ зарѣзалъ младенца свою сесну въ колыбели; а опомнившись и узнавъ, что сдѣлалъ онъ худо, спряшался въ печь. Хозяинъ и хозяйка проснувшись рани: обыкновенаго для праздника, чтобы заранѣе убравшись въ домъ поспѣть имъ въ церкву, загошвили во первыхъ праздничное свое платье, пошомъ хозяинъ пошелъ свѣжеванъ барана, а хозяйка приналась шопишь печь, не осмошрѣвъ своихъ дѣшей, по шому что спящъ они, какъ она думала и слышала, спокойно; полавъ дрова зашопилл. Несмысленный малчикъ не смѣлъ въ печи поворохнувшись онъ шрашу; но какъ огонь уже усилился, дрова сухіе обыкновенно вдругъ занялися и жаръ несносной до него коснулся, шогда онъ закричалъ; хозяйка бросаъ къ пошелъ ео не увидѣла, шо и уразумѣ-

ла, что онъ въ печи; зъкричала мужу, а сама начала хватать дрова изъ печи и мешать ихъ по полу; мальчикъ пѣмъ временемъ задохнулся, а крестьянинъ вбѣжалъ въ избу съ обыкновеннымъ и всегдашнимъ своимъ оружіемъ, но есмь шопоромъ, который онъ заготовилъ можешь бышь къ разняшю барана. Услыша и увидя, что жена его сожгла въ печи сына, будучи въ шорепливости и страхъ, а онъ шого и въ запальчивости, ударилъ безразсудно и неосщорожно жену свою въ голову, онъ чего и лишилась она жизни. Крестьянинъ пришедъ въ жалосшь и ошорепѣвъ, не зналъ, что ему дѣлать, видя двухъ мершыхъ передъ собою; а заглянувъ въ люльку нащелъ и шрешьяго. Ошчайнѣе поразило маломысленнаго человекъ, кошо-рое бы, просвѣщеннаго и великодушнаго не меньше поколебало: сверхъ сего обуялъ его страхъ стыда и совѣсти, а потомъ жестокость наказанія за шоликое беззаконіе, кое онъ все неопмѣнно принужденъ былъ ошносипъ къ своей шоронѣ, лишила его разсудка, и такъ страхъ, жалосшь

и отчаяніе принудили его удавиться. Такимъ образомъ разсуждали съ сожалѣніемъ ученые того времени люди, коимъ ихъ разсужденіе многими тогда признано за справедливое: ибо инаково рѣшишь удивительнаго сего иъ природѣ приключенія всѣ не думѣвали. А несчастный воиъ похоромиъ всю свою семью и употребилъ осматки имѣнія на погребеніе ихъ, осмался наследникомъ двора своего родителя, безъ сноша и хлѣба, коимъ ихъ гораздо не великое количество имѣ было ийдено; а что всего еще болѣе и бѣдному человеку чувствительнѣе, и безъ правой руки своей, безъ кошорой онъ не шокмо цѣлаго, но и половины добраго и прилѣжнаго крестьянина соснавить не могъ.